

Владимир Путин поручил Российской академии наук разработать чудо-программу, призванную защитить нашу страну от мирового экономического кризиса. Идеи академиков либеральные экономисты уже окрестили «мерами по защите от иностранной финансовой угрозы». На страницах «Итогов» к дискуссии подключились вице-президент РАН Александр Некипелов и ректор Финансового университета при правительстве РФ Михаил Эскиндаров.

С одной стороны

Александр Некипелов: «Возвращать экономику в советские времена никто не собирается»

— Александр Дмитриевич, президент поручил Российской академии наук представить ему точку зрения ученых на экономическую политику. Но дело приобрело скандальный оттенок. Некоторые даже обвинили академиков в том, что они хотят вернуть экономику в советские времена. И в качестве доказательства пишут, что РАН предлагает ввести «налог Тобина», разделить все банки на инвестиционные и расчетные и даже заставить их создавать 100-процентные резервы под привлеченные депозиты. Что из всего этого правда?

— Вообще говоря, работа у нас только началась. Было всего два заседания. Мы договорились, что сформируем группы, которые будут разрабатывать крупные направления. А то, о чем вы говорите, — это те темы, которые я как модератор этой дискуссии просто предложил обсудить. Почему вдруг эта информация попала в печать, я не совсем понимаю. Но раз уж попала, давайте обсудим, в чем тут дело.

Начнем с «налога Тобина». Как вы понимаете, это не моя идея. Ее авторство принадлежит нобелевскому лауреату Джеймсу Тобину, а суть в следующем. Когда выявилась серьезная деструктивная роль, которую могут играть межстрановые перетоки спекулятивных капиталов, или «горячих денег», он предложил не ограничивать административно право инвесторов распоряжаться своими средствами, а брать по небольшой ставке налог со всех сделок по обмену валют. Смысл в том, что такой налог практически никак не повлиял бы на решения стратегических инвесторов. А вот для игроков на финансовом рынке, непрерывно переводящих крупные суммы из одного конца света в другой, он оказался бы достаточно обременительным. В результате интенсивность таких потоков снизилась бы. Вырученные средства Тобин предлагал пустить на решение проблем бедных стран. В том или ином виде налог вводили у себя разные страны. Например, Израиль.

Теперь — о банках. Сегодня они являются одновременно и финансовыми посредниками, и ключевым элементом платежной системы. Такое сочетание функций возможно благодаря тому, что банки часть депозитов оставляют в качестве резервов, а часть используют как кредитные ресурсы или инвестируют в ценные бумаги. У системы частичного резервирования есть несомненные достоинства, но есть и недостатки. Ведь если кредитно-инвестиционная деятельность банковской системы оказывается неудачной, то под угрозой оказывается вся расчетно-платежная система. И это создает серьезные риски для экономики. Вспомните дефолт 1998 года. Вспомните, сколько денег вынуждено было потратить наше правительство в 2008 году, чтобы спасти банковскую систему от банкротства. Предложение вернуться к обсуждению известной из учебников модели платежной системы, основанной на 100-процентном резервировании депозитов, вызвано стремлением найти механизм, обеспечивающий ее

устойчивость к финансовым кризисам. При этом сохранялась бы возможность параллельного существования частных платежных систем, участники которых действовали бы на основе частичного резервирования депозитов.

— То есть фактически вы предлагаете решать проблему устойчивости финансовой системы путем удорожания сделок на финансовом рынке?

— Разумеется, «налог Тобина» делает спекулятивные сделки более дорогими. В этом его смысл. Кстати, хотел бы привлечь внимание к тому, что в Европейском союзе только что принято решение о введении (правда, не всеми странами) налога на финансовые операции. А ведь это разновидность «налога Тобина». Важно также иметь в виду следующее. В течение длительного времени некоторые развитые страны переносили целые отрасли реального сектора экономики в развивающийся мир. Сами же вкладывали огромные ресурсы в создание мощных, основанных на высочайших коммуникационных и интеллектуальных технологиях финансовых центров. Сегодня у некоторых из них на финансовый сектор приходится очень существенная доля в ВВП. А кризис ударил прежде всего по этому сектору. И «налог Тобина» затрагивает в первую очередь интересы этих стран. Поэтому финансовая сфера сегодня — скорее поле битвы, чем предмет абстрактных теоретических размышлений.

— Меры, о которых вы говорите, в свое время применял не только Израиль, но и, например, Чили. И там и там при этом столкнулись с замедлением экономического роста. «Налог Тобина» отменили. Как ваши предложения в таком случае согласуются с задачей ускорить экономический рост?

— Предлагаемые мною к обсуждению меры направлены не на стимулирование экономического роста, а непосредственно на повышение устойчивости экономики к финансовым кризисам. О масштабах связанных с ними неприятностей граждане могут судить по собственному опыту: всего за шесть месяцев — с сентября 2008 года по февраль 2009-го — международные резервы страны сократились на треть, на 200 миллиардов долларов. Ну а вопрос о том, привел ли к замедлению экономического роста в Израиле и Чили именно «налог Тобина» или были какие-то другие причины, требует специального, непредвзятого рассмотрения.

— Но ваши коллеги, например Сергей Глазьев, говорят о том, что реализация этой программы позволит ускорить рост экономики почти на 8 процентов.

— Вопрос о динамике экономического роста сегодня находится в центре дискуссии. Некоторые экономисты считают, что темп увеличения ВВП на 3—4 процента в год соответствует траектории потенциального выпуска и превзойти его на средне- и тем более долгосрочном отрезке времени невозможно. К сожалению, мне не приходилось видеть серьезных аргументов в подтверждение данного тезиса. Но хочу сказать, что его признание равнозначно признанию отсутствия каких-либо перспектив у российской экономики. По оценке специалистов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, сегодня примерно два процента роста ВВП необходимы просто для поддержания существующих производственных мощностей (результат инвестиционного коллапса 90-х годов).

Мы договорились, что с использованием модельных расчетов, базирующихся на оценке имеющихся ресурсов (природных, производственных, демографических, финансовых), наши ученые из ИНП РАН попытаются определить потенциальные возможности, имеющиеся в этой

области. И с учетом этого авторский коллектив предложит меры институционального характера и меры экономической политики.

С другой стороны

Михаил Эскиндаров: «Предложения академиков вызывают сомнения»

— Михаил Абдурахманович, я знаю, что вам как участнику рабочей группы РАН, которая готовит предложения для президента по макроэкономике, уже предложили обсудить некоторые идеи. Давайте пройдемся по основным. Например, что вы думаете о возможности введения в России «налога Тобина»?

— Эффективность этой меры у меня вызывает сомнения. Действительно, сегодня национальным экономикам все труднее справляться с растущей массой трансграничных валютных операций. И, по мнению академиков, такой налог должен минимизировать спекуляции на российском финансовом рынке. Он, напомню, предполагает фискальные меры в отношении операций с иностранными валютами. Но вот в чем проблема. С одной стороны, «налог Тобина» может повысить управляемость волатильностью валютных курсов. С другой же, его введение в России затормозит интеграционные процессы. Они особенно актуальны в связи со вступлением нашей страны в ВТО и ее участием в различных региональных объединениях. Например, в Таможенном союзе.

Проблема также и в том, что разграничить обычные операции, связанные с международной торговлей, и спекуляции на финансовом рынке в условиях транзакционного многообразия практически невозможно. Чтобы убедиться в этом, достаточно изучить, с какими проблемами сегодня сталкиваются США. Там в рамках принятого в июле 2010 года закона Додда — Франка пытаются реформировать банковское регулирование. И сталкиваются с тем, что операции с фондовыми инструментами, осуществляемыми по поручению клиентов, невозможно отделить от таких же операций, которые проводятся по инициативе самих банков. Что касается нашей страны, то введение «налога Тобина» просто вынудит неокрепший российский бизнес придумывать различные схемы ухода от налогов, вместе с которыми в налоговую тень уйдет и целый ряд других финансовых операций.

Но чтобы критика с моей стороны была конструктивной, я бы в качестве альтернативы предложил рассмотреть возможность введения налога на финансовые операции именно кредитных институтов. В мире он известен как «налог Робин Гуда». Положительной стороной данного налога является его институциональная направленность, позволяющая в определенной степени ограничивать операции банков с инструментами повышенного риска. Тем не менее его применение должно быть дифференцированным, в зависимости, например, от размера банка, ликвидной позиции, доли операций с инструментами в инвалюте... Правда, он пока не встретил единодушной поддержки со стороны стран «большой двадцатки». Против выступают США и Великобритания.

— Другое предложение — разделить банковский сектор на инвестиционный и коммерческий...

— А вот его я бы назвал несвоевременным. Такая практика действительно существует в банковском секторе США. Там, напомним, действует закон Гласса — Стигалла, принятый еще в 1933 году. И ряд экспертов связывают нынешний кризис как раз с начавшейся в 1978 году в Америке так называемой эпохой дерегулирования и некоторой законодательной либерализацией. В качестве ее примера я бы привел принятие в 1999 году еще одного закона — закона Грэмма — Лича — Блайли, который разрешил кредитным организациям проведение ряда операций на рынке страхования и недвижимости. До этого они осуществлялись исключительно инвестиционными банками. При этом на последние какие-либо надзорные требования не распространялись. Но посмотрите, что произошло дальше.

В ходе кризиса государственная помощь (bailout) потребовалась и инвестиционным институтам. Goldman Sachs и Morgan Stanley были переклассифицированы в банковские холдинговые компании. То есть их наделили статусом коммерческого банка. Разделенными же по тому принципу, о котором говорят члены РАН, остались только текущие операции.

Но вернемся к нашим проблемам. Предлагаемая академиками реорганизация банковского сектора является достаточно фундаментальной. И как всякая такая реформа, она требует не только колоссальных затрат, но и четкой концепции с вескими основаниями преобразований и расчетом их последствий. Пока же наш банковский сектор для них, на мой взгляд, слаб. Как с точки зрения ликвидности, так и продуктовой диверсификации. Конкурентоспособность российских банков остается низкой. Уровень конкуренции на кредитном рынке снижается. А распределение капиталов по регионам слишком неравномерно. Но и это еще не все. Такая реформа может помешать реализации правительственной инициативы по коренной реформе системы регулирования финансовых рынков. Речь прежде всего идет о создании мегарегулятора.

— А что скажете о предложении ввести 100-процентное резервирование банковских депозитов?

— Оно нереализуемо. Хотя бы потому, что парализует всю банковскую деятельность в стране. Связанную как с формированием активов, так и использованием банками привлеченного капитала. Хотя для экономики предложение по 100-процентному резервированию депозитов смягчается предложением предоставлять банкам в качестве рефинансирования кредиты ЦБ на срок от 3 до 7 лет и снижением их ставки.

Такая мера действительно может привести к увеличению потребления и занятости в экономике. Но при этом нельзя забывать и о рисках инфляционного всплеска, а также возможного роста объемов просроченных кредитов. Кроме того, существует риск расширения рынка производных финансовых инструментов, который, в отличие, например, от США, в России не регулируется. Расширение кредитной активности банков может также увеличить риски, связанные с высокой волатильностью рыночной конъюнктуры. А непрозрачность заемщиков-юрлиц, безответственность заемщиков из числа физлиц, помноженные на стратегическую близорукость банковского менеджмента, — привести к дисбалансам в денежно-кредитной политике. Таким образом, повышение доступности кредитов грозит, наоборот, обернуться кризисом ликвидности и системным кризисом в финансовой сфере. Хотя я согласен с тем, что в долгосрочной перспективе снижение ставки рефинансирования должно осуществляться. Но поэтапно, в зависимости от устойчивости экономического роста.